

«Нам пора растить элиту»

Дмитрий Быков о современной педагогике

ИВАН КУПЕЦОВ

ЕДИНСТВЕННОЙ осмысленной деятельностью представляется мне сегодня педагогика — школьная либо в идеале внешкольная, и вот почему. Сегодня — в русской истории бывали такие периоды, и у нас уже есть некоторый опыт по их оптимальному проживанию, — нам предстоит не столько описать или понять реальность, сколько ее сконструировать. Обычно такие периоды наступают в результате разочарования в реформах — как было, скажем, в 60-е годы XIX столетия: тогда Чернышевский сконструировал новых героев, и они появились. Не существовало в природе никакого Рахметова, даже Лопухов и Кирсанов были под вопросом, и Вера Павловна мало похожа на Ольгу Сократовну, но он их описал, и 1870-е годы прошли под знаком «новых людей». У нас жизнь чаще подражает искусству, чем в Европе — не потому ли Уайльд всю жизнь мечтал нас посетить (и, очень возможно, спасся бы тут)?

И вот сегодня, мне кажется, наш долг — защитить новые грандиозные поколения, которые дал нам Бог: больше, по-моему,

им взяться неоткуда — на такие чудеса только Господь и способен. Сколько ни разговариваю с коллегами-педагогами — все свидетельствуют о двух вещах:

1. Шесть-семь лет назад появилось поколение молодых гениев, которые не глупее своих преподавателей, а материал усваивают гораздо быстрее своих предшественников. Это повод говорить о качественном скачке, может быть, даже эволюционном. iPhone ли благодарить за это? Но мы знаем, что наличие iPhone как раз расслабляет, ибо нужную информацию всегда можно скачать, посмотреть и так далее. У этих же с памятью и кругозором все в полном порядке.

2. Новое поколение — те, кому сегодня от 8 до 12, — гораздо умнее уже и этих гениальных детей. Нам пока трудно не только оставаться на их уровне, но и сформулировать для них задачи. Новые уже не делятся на технарей и гуманитариев: они равно продвинуты во всех направлениях, не готовятся ни к одной конкретной специальности и планируют их периодически менять. Как и чему их учить — не совсем

понятно, тем более что они предпочитают самостоятельное обучение. Сегодняшний учитель чувствует себя в диалоге с ними примерно как Виктор Банев на встрече с лицеистами в повести Стругацких «Гадкие лебеди» — стой только разницей, что лицеисты у Стругацких довольно жестоки, а эти ребята скорее доброжелательны.

Чтобы не растекаться, приведу письмо одного 13-летнего подростка из Питера, совершенно не вундеркинда. Он мне прислал свои стихи, они меня заинтересовали, чтобы не сказать поразили, и я вступил с ним в переписку. Вот очередное его послание. Сразу скажу: мальчик абсолютно реален, я убедился в его существовании, проверил его способность к сочинению стихов и стиль его устной речи, который совпадает со стилем письменной. Я был бы рад, поверьте, убедиться в том, что за него пишут родители. Это резко подняло бы мою самооценку. Но он пишет сам, и называть его я не буду только потому, что не хочу портить ему биографию ранней славой (или бесславием, это уж как получится).

«Когда я перечитал “Град Обреченный” Стругацких, то мне показалось, что все происходящее в Городе с Андреем в течение нескольких лет на самом деле заняло 1 секунду времени “обыденной” Вселенной. Таким образом, события в мире Города — чрезвычайно замедленная аллегория болезненного процесса самоосознания и мышления в целом. Согласны ли Вы с этим?»

Вот что вы будете с этим делать? Что вы будете делать с десятилетним, который спрашивает меня после лекции о Куприне: «Мне кажется, концепция человека у Куприна сильно повлияла на японскую анимацию — это возможно?» Что, наконец, делать с семиклассницей, которая прочла «Отцов и детей» и задает вопрос на лекции: «Как по-вашему, насколько нигилизм Базарова — интеллектуальное явление или, как в моем поколении, скорее физиологическое, то есть возрастное?»

Как сказал наш историк, когда один здоровый лоб ему заявил: «Я не согласен с ва-